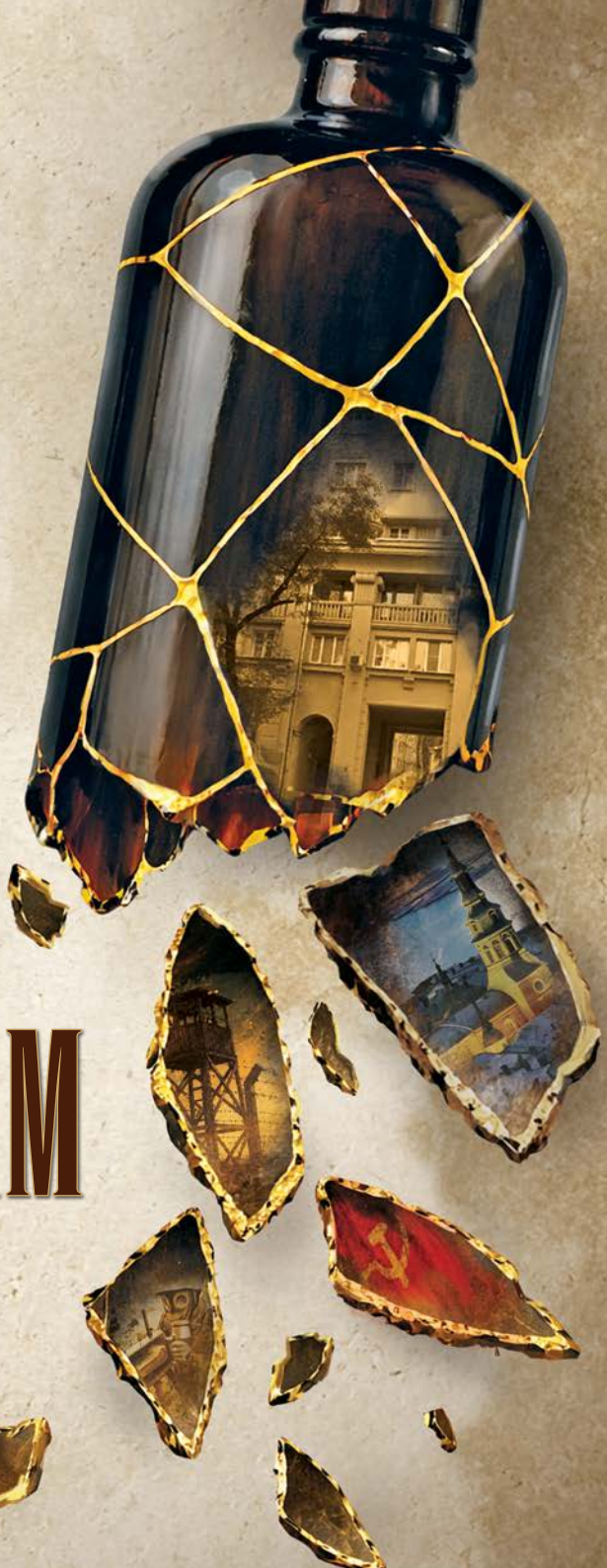

Татьяна
Шереметева

Рижский БАЛЬЗАМ

Татьяна Шереметева

Рижский
БАЛЬЗАМ

Бостон • 2026 • Чикаго

ТАТЬЯНА ШЕРЕМЕТЕВА

Рижский бальзам

TATIANA SHEREMETEVA

Riga Balsam

Copyright © 2026 by Tatiana Sheremeteva

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the publisher.

ISBN: 978-1-970342-26-0

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

□ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced in conjunction with Bagriy & Company | Chicago, IL

□ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

Содержание

Вступление	9
История 1. Двор	16
История 2. Мать	19
История 3. Всех на мыло	27
История 4. Шмон	31
История 5. Гадкий утёнок	36
История 6. Тайная война Яниса Клёна	44
История 7. Тайный мир Яниса Клёна	47
История 8. София	50
История 9. Отец родной	65
История 10. Ленинский преторианец	73
История 11. Лягавая рота	77
История 12. Айкига	81
История 13. Голод	85
История 14. Графины	92
История 15. Sic Transit Gloria Mundi	103
История 16. Доедочки	109
История 17. Когда зацвели цикламены	113
История 18. Так говорил товарищ Дзержинский	121
История 19. Сердце стойкого оловянного солдатика	127
История 20. Орфей и Эвридика	131

История 21. Возвращение	133
История 22. Океан любви	137
История 23. Viam Supervadet Vadens.	140
История 24. Возвращение	145
История 25. Ржевский вокзал	154
История 26. Байрон	164
История 27. Путёвка в жизнь	171
История 28. Долбанём по поцелуям	183
История 29. Москва — Рига	198
История 30. Дом	209
История 31. Счастье.	214
История 32. Шмон	217
История 33. Фантом.	224
История 34. Рижский бальзам	231

И не говорите мне, что так не бывает...

В основе романа лежат подлинные события, а его герои зачастую имеют реальных прототипов.

Некоторые исторические эпизоды воссозданы по военным дневникам моего деда, поручика царской армии времён Первой мировой войны, и семейным воспоминаниям о годах сталинского террора.

«Дом с аркой» на Чистых прудах в Москве стоит до сих пор.

Там вырос мой отец. Там прошло моё детство.

Я никогда туда не приезжаю — это выше моих сил.

Остальное — плод фантазии автора, попытка представить судьбы людей, которым выпало жить в стране под названием СССР.

Вступление

(Действие происходит в сибирской тайге в 1930-е годы)

Маць

Э то была её вторая весна. Наступил апрель, снежный и холодный.

Всю ночь согревала она своих новорождённых детей, подгребая лапой тёплые комочки под живот и чувствуя острую боль.

Маленькие глупые лисята терзали её соски. Но они были пусты.

Она всё ещё ждала, когда придёт их отец и принесёт добычу.

Скоро потеплеет, оттаает, станет пряной и покроется молодой травкой всё ещё стынувшая под снегом земля. И тогда её дети выйдут из норы и будут, прогнув спинки, греться на солнце, играть друг с другом и гоняться за разной мелкой живностью, очнувшейся после зимней спячки.

А она научит детей главному: как охотиться на мышь и другого зверя.

И что делать, когда остаёшься без пары.

Он пропал не так давно. Она ждала его, оставаясь вместе с детёнышами до последнего. Он не мог погиб-

нуть — такой умный и сильный лис. И хвост у него был такой же огромный, но с белой отметиной на кончике.

Когда кормить детей стало нечем, лиса решила.

...Шла она медленно, часто останавливаясь и вдыхая морозный воздух. Лапы её то и дело проваливались в снег, а ледяная корка обжигала горячий окровавленный живот.

Лиса была молодая, крупная и голодная. Ей не хватало ни терпения, ни скорости.

Она била лапами по ледяному насту, пытаясь выгнать вверх встревоженных шумом мышей. Но тонкий лёд не выдерживал её тяжести, и она снова проваливалась в снег.

Вдруг её тонкие ноздри вздрогнули, и она замерла, поставив уши торчком и вращая ими, как маленькими локаторами.

Услышала? Нет.

Увидела? Нет.

Она почуяла его нутром, своим пустым, подтянутым под рёбра животом.

Ломая ледяную корку и проваливаясь по уши в снег, убежал от своей гибели большой, тяжёлый заяц.

Всё её внимание сосредоточилось на серо-белом пятне.

Успеть...

Она должна успеть вернуться, пока нора не остыла окончательно.

Лапы подламывались, дыхания не хватало: в это время кормящая лиса греет детей в норе. А корм ей приносит отец семейства.

Никогда он не забирался в нору сразу: сначала осмотреться, принюхать, понять, что рядом нет опасности. И только потом одним гибким движением забросить своё тело в тёплое гнездо, где его ждали она и дети.

Заяц убегал всё дальше. Лиса остановилась. Сейчас... нужно только отдышаться.

Она всё сделает. Она сможет.

Вот тогда-то и подстрелил её охотник-промысловик Ойка.

Он сразу увидел, что зверь этот молодой, мех у него густой и блестящий. И за его шкурку получит Ойка хорошие деньги. На эти деньги он купит патроны для своей «фроловки»,¹ а жене — отрез красивой байки.

А умелица Айкига сошьёт себе ладные обновки.

Лиса, вытянув лапы, лежала на снегу. Огромный хвост серебристым облаком накрывал блестящую корку снежного наста. Казалось, сейчас она встрепенётся и умчится туда, где ждут её дети.

Убедившись, что этот зверь уже не встанет, Ойка стряхнул с тушки снег, упавший с большого кедра, и увидел лисий окровавленный живот.

¹ «Фроловка» — гладкоствольное ружьё, которое изготавливалось на основе переделки трёхлинейной винтовки С. И. Мосина.

Что-то кольнуло под сердцем — это была кормящая самка. Он знал: её щенята умрут.

Метко стрелял охотник Ойка. Знал и любил он своё ремесло. Но случались в его жизни и неудачи.

Мощный чёрно-бурый лис с белой отметиной на хвосте долго и умело уходил от погони и той единственной пули, что предназначалась для него. Ойка всегда стрелял один раз. И всегда только в глаз.

Им обоим тогда не повезло: лис на минуту затих, но потом, проваливаясь в снег и оставляя за собой широкий кровавый след, всё-таки ушёл.

Догнать его Ойка не смог.

Было жаль напрасно потраченного патрона.

Да и зверь был обречён.

Возвращение

Снег по-прежнему укрывал землю, но Ойка знал, что скоро он потемнеет. Нужно успеть вернуться домой по санному следу — там его ждёт молодая жена Айкига.

Зимой ему удалось хорошо поработать: два раза перепоясывал он поклажу на нартах ремнями, и теперь его трофеи плотными рядами лежали под большим самодельным чехлом.

А в отдельном мешке лежала главная ценность — шкура большой чёрно-бурой лисицы с распоротым животом. Внутренности её давно съели вечно голодные собаки.

Пока муж добывал зверя на промысле, Айкига вела хозяйство, смотрела за скотом, ходила в тайгу за хворостом, не забывая заглядывать в расставленные мужем силки.

Знала Айкига много секретов и ещё до морозов и первого снега траву и ягоду собирала она, как учила её мать. Знала, чем кашель из груди гнать, и рану чистить, и мошку из юрты выкуривать.

А ещё она ждала Ойку: к встрече с ним готовилась заранее, мыла своё тело тщательно, не жалея мыльного корня.

Берегла от воды только одно, самое заветное место, как любил это муж. А свои длинные тяжёлые косы смазывала жиром и тщательно вычёсывала.

Юрта у них была старая, деревянная, досталась им по наследству. Самой крайней — далеко от соседей — стоял их *тадар-иб*,¹ так ещё отец Ойки решил.

А что зверь может внутрь забраться, — так не боялся старый охотник Сагай зверей.

Он боялся не зверей, а людей.

Видно, прав был Сагай. Долго Ойка искал хотя бы след пропавшего отца. Нашёл через три года далеко, в глухих таёжных зарослях, кое-что из сгнившей одежды. Ну и косточки разные.

¹ Хакасская деревянная юрта.

И неподалёку — видно, зверь какой утащил — валялся разрубленный надвое череп. А винтовка отцовская пропала.

Сложил тогда Ойка всё, что было, в мешок, привёз домой. И похоронил он косточки охотника Сагая на кладбище недалеко от своего *тадар-иб*.

И стало там одной могилкой больше.

...Но вот на четвёртый день добрался он до дома, отвязал лыжи-подволоки,¹ успел удивиться нехорошей тишине и вошёл наконец в свою юрту. Там на кошке сидела Айкига и сцеживала молоко в широкую миску.

Не суждено было охотнику Ойке увидеть своего первенца.

Ребёнок умер, а молоко в груди молодой женщины осталось.

Молока было много. Чтобы «доброе» не пропадало, скармливала она его ягнятам. Пили его и котята, что горохом катались по полу юрты. Заляпали они своим поносом всё вокруг, но всё равно лезли в миску и макали в густое молоко свои усатые мордочки.

Айкига смотрела на них и каждый раз плакала. Это молоко могло бы вскормить их сына. И когда-нибудь он стал бы таким же удачливым охотником, как её муж. Но сын лежит в земле рядом со старым Сагаем, а её молоко пьют котята.

Хотела она сразу их утопить, но всё откладывала и завидовала кормящей кошке. А теперь рука не под-

¹ Охотничьи лыжи.

нимается. Потому что знает Айкига, что это за мука, когда прибывает молоко, каменеет грудь и из неё начинает бить в никуда тонкая белая струя.

Знает, как больно терять своё дитя.

На лавках лежали чистые тряпочки, пелёнки и одежда для ребёнка. Всё детское приданое Айкига сшила своими руками, всё украсила бисером и кусочками меха.

На морозы сделала она из беличьих шкурок тёплое одеяло, подбитое кусочками ткани, и сшила маленькие пимы — пусть его ножкам всегда будет тепло и удобно.

И уже был готов нагрудник хэлми из меха. Он украсит маленькую парку их сына и даст дополнительное тепло.

Теперь всё это оказалось ненужным. Но заставить себя убрать эти ни разу не надетые детские вещи она не могла.

Звук тугих молочных струй глухо отдавался в стенках деревянной миски. Слезы текли по круглой битой оспой щеке Айкиги...

И опять у охотника Ойки что-то кольнуло под сердцем...

Ребёночка жалко, но у него осталась Айкига.

А за шкуру той красавицы-лисы ему заплатят большие деньги.

Обязательно.

История первая

Двор

Вам только кажется, что это двор. А на самом деле — это книга, в которой много страниц, и на каждой живёт своя история.

Эти истории уходят далеко в прошлое, когда по ночам у подъездов тихо останавливались чёрные воронки, когда незаметно и навсегда из квартир исчезали люди.

Когда за закрытыми дверями оставались их родные — те, кого не увозили, но лишали возможности жить.

Дом с аркой, стоящий напротив бывшего кинотеатра «Колизей»,¹ выходит на Чистопрудный бульвар. В этом доме когда-то жили большие чины, люди при погонах и без, семьи тех, чья служба не обсуждалась и чья жизнь казалась устроенной и защищённой.

А за аркой начинался двор, закрытый от взглядов прохожих. Именно там происходило то, о чём никогда не говорили вслух.

¹ В настоящее время это здание занимает театр «Современник».

Двор угрюмо хранил свои тайны.

Никто не говорил, но все знали: самый страшный звук за окном — шум мотора в ночной тишине. Дом просыпался сразу, и в каждой квартире вслушивались, где остановился автомобиль, в какой подъезд зашли люди в форме. Тревожные чемоданчики были собраны у всех, многие спали не раздеваясь.

Если кто-то исчезал, о нём не спрашивали. Если утром на лестничной площадке появлялась опечатанная дверь, мимо неё проходили не задерживаясь.

Молчать. Не смотреть в глаза. Не здороваться. Это понимали и взрослые, и дети. Сегодня ты поздороваешься — завтра его возьмут.

Следующим будешь ты.

А на бульваре между тем шла обычная жизнь: бежали дети, гуляли парочки, тянулась очередь в любимый «Колизей». Над его полукруглым портиком неизменно пламенел транспарант: «Каждый враг будет раздавлен!». Или какой-нибудь другой похожий лозунг.

Ты знаешь этот двор. Ты там жила.

Сейчас тебе семь лет. Ты нетерпеливо ёрзаешь на большой скамейке рядом с центральной клумбой в ожидании, когда можно будет передать двух маленьких девочек, которые играют в «цветы», на руки их матери.

У тебя впереди много дел: нужно сделать «секретик» из фольги под кустом сирени, нарисовать мелком на асфальте розу и дочитать сказку про Снежную королеву.

Двойняшек зовут Соня и Эмма. Иногда по выходным их привозят в гости к твоей бабушке, хотя их собственная бабушка живёт в соседнем подъезде. Но с ней они видятся значительно реже.

Обычно девочки остаются на твоём попечении, пока взрослые о чём-то подолгу говорят за закрытыми дверями.

Ты знаешь, что когда-то твой папа дружил с их мамой. Что зовут её красиво и загадочно — Маргарита Валтеровна. И что твой папа называет её Маркой. И никак иначе.

Ты также знаешь, что много лет назад в вашем доме жили какие-то важные люди. И когда почти никого из них не осталось — кроме дворника Хасана, — твои бабушка и папа спасли от голодной смерти Марку, её младшего брата и их мать, с которой твоя вежливая бабушка почему-то никогда не здоровается.

История вторая Мать

Мать их, Елизавета Петровна, в те давние времена была женой большого военного чина и по этой причине не работала и делать ничего не умела. Или не хотела.

И когда однажды её мужа, когда-то латышского стрелка, на рассвете забрал воронок, осталась с детьми одна.

А домработница Груня ушла от них в тот же день — от греха подальше.

Елизавета Петровна быстро поиздержалась и начала продавать то, что уцелело при обыске. То есть не погибло под сапогами быстрых молчаливых людей в известной всем форме. Или же не было вывезено на склад конфиската.

Для конфискованной мебели и домашней утвари это оказалась уже вторая ходка на склад.

Первоначально они попали туда из квартир других арестованных. Затем Елизавета Петровна с мужем отобрали их для себя. И вот теперь, пережив очередных хозяев, эти вещи вернулись обратно.

Был введён режим жёсткой экономии, от которого она давно отвыкла. Но запасы круп, консервов и прочего долгоиграющего провианта в доме всегда держались немалые. Да и мыло, спички, соль тоже копились годами — на всякий случай.

И потому Елизавета Петровна поначалу, конечно, переживала, но особенно не убивалась.

Муж всё ещё был где-то, а где — в справочной на Кузнецком мосту ей не рассказывали. Но он же обязательно должен был вернуться — как настоящий герой, носивший на форменном воротничке три ромба.¹

К тому же и звали его так красиво — Валтер Оттович.

Конечно, это просто недоразумение, скоро всё станет как прежде: красивые вещи, много денег. А в квартире будет пахнуть жареным мясом и пирогами, которые так хорошо пекла домработница Груня.

Конечно, его выпустят. Не умирать же ей теперь вместе с детьми?

В коридоре на вешалке из карельской берёзы висела его зимняя шинель, на полке лежала форменная фуражка, как будто муж и не уходил никуда.

А рядом с фуражкой свешивала узкую голову чёрно-бурая лиса, вернее, меховая горжетка с мордочкой, одной передней лапкой и огромным серебристым хвостом.

¹ Ромб на форменном воротнике военного служил знаком различия до появления звёзд.

Маленький Раймонд, которого мать звала просто Ромкой, любил играть с этой лисой, изображая охотника. Но однажды он не рассчитал силы: передняя лапа оторвалась и повисла на шёлковой подкладке. За это можно было крепко получить, потому лапку он отрезал и, закрыв глаза, выбросил в зловонную пасть кухонного мусоропровода.

Мусоропровода храбрый охотник Ромка боялся и лишний раз старался к нему не подходить.

Мать застала его на месте преступления и обругала сына страшными словами, запрещёнными в их доме отцом. Правда, это мало помогало, и во дворе все знали, что Петровна — отменная матерщинница.

Всё ещё бормоча ругательства, побежала она во двор и нашла дворника Хасана, что заведовал подъездными помойками.¹ Вместе они, рука об руку, перерыли всё, что было в помойном отсеке. И нашли, нашли они маленькую чёрную лапку.

На своё счастье, поленилась она тогда, не пришила лапу сразу же. Товарный вид лиса потеряла, и во время обыска её не конфисковали.

И теперь эта чёрно-бурая трёхлапая красавица, лёжа на высокой полке в прихожей и чуть свесив голову, равнодушно смотрела своими жёлтыми стеклянными глазами на Елизавету Петровну. Казалось, она наблюдала,

¹ В довоенных домах мусоропроводы были установлены прямо в квартирах. Мусор и пищевые отходы падали в специальный помойный отсек (или камеру) в подвале на первом этаже подъездов.

как эта человеческая мать пытается спасти своих детёнышей. Ей не было жаль никого из них. Её собственные дети давно уже погибли от голода и холода.

На стенках опустевшей квартиры заплатами темнели квадраты и прямоугольники от конфискованных или проданных картин.

На кухне тихо жалась к стенке стопка старых, оббитых по краям тарелок, и грустили гнутые вилки. Всё это не выбросили вовремя. И всё это так пригодилось теперь.

...Елизавета Петровна совсем не хотела второго ребёнка. В ход пошли и горчичные ванны, спринцевание всякой гадостью и даже луковицы, которые должны были прорасти в ней самой. Но почему-то не проросли.

Ребёнок всё-таки родился, хотя и на полтора месяца раньше срока. Впрочем, кто мог это знать доподлинно... Крупный, почему-то смуглый и кудрявый, почему-то темноглазый и круглолицый.

Отец, запуская пальцы в свои светлые прямые волосы, вечерами подолгу простаивал над детской кроваткой.

Потом он шёл в спальню, молча сдирал ночную рубашку с жены и, не торопясь, приступал к главному. После, откинувшись на спину и продышавшись, начинал ругаться теми самыми словами, что в их доме были запрещены.

А ведь когда-то в полку его предупреждали, что «эта прачка Лизка ну разве что Бобику шелудивому не давала». А всем остальным — да.

И с большим удовольствием.

Недаром военспец из «бывших» как-то, мечтательно заведя глаза к потолку, назвал её «Злое*учий Лизхен». Имя это приросло к Елизавете Петровне, и по-другому её тогда уже не звали.

Она не обижалась. А потому что правда это была. Может, за эту жадность и взял её замуж не в меру высокий, худой, как в щёлочке вымоченный, молчаливый латыш. Хотя его и предупреждали.

Но всё это ушло в прошлое, и своё любимое занятие Елизавета Петровна, как мужняя жена, оставила тоже много лет назад.

Так ей казалось.

А в том, что дворник Хасан зашёл к ней в то заповедное время, когда дома никого не было, она была не виновата.

Просто обрадовалась и сильно удивилась тому, что тело её давно томилось в ожидании. А она думала, это просто женские трудности.

Ах, как это было сладко... И оттого, что понимала она, что творит, было ещё слаще.

Муж не хотел знать правду и не хотел видеть очевидное. Партия не одобряла разводов среди старшего командного состава.

А другие знать правду хотели и очевидное видели. И много говорили на эту тему.

Хасана во дворе прозвали Генералом, а чернявого Раймонда — Пушкиным.

Когда за Валтером пришли, он молча поцеловал дочь, пристально посмотрел на Раймонда и, подойдя к Елизавете Петровне, тихо сказал:

— Если вернусь, убью. А не вернусь, — сама без меня сдохнешь, тварь злое*учая.

Елизавета Петровна машинально кивала и всё смотрела на его руки, — как они тряслись, когда он надевал свои генеральские штаны и шинель с теми самыми знаменитыми ромбами, благодаря которым жили они в большой квартире, где было много красивых вещей и вкусной еды.

Арестовали мужа тихо и быстро. Команда приехала внушительная, а понятыми взяли дворника Хасана и его жену. Они молча стояли в дверях: Хасан смотрел под ноги, а жена — по сторонам.

Имущество получше конфисковали по описи, но мелочиться не стали. И так как вещей было слишком много, то после ареста хозяина в доме кое-что осталось.

Поначалу Елизавета Петровна не очень испугалась. Ну как его — героя, латышского стрелка, который лично способствовал Владимиру Ильичу в победе великой нашей Октябрьской революции,¹ могут посадить или сослать? Ну подержат немного, а потом выяснится, что «произошла чудовищная ошибка». И он вернётся домой. Убивать её, между прочим.

¹ Латышские стрелки использовались в Красной армии как чрезвычайно боеспособная сила: их полки и отдельные отряды действовали на всех фронтах Гражданской войны.

Поэтому перед смертью, в возможность которой Елизавета Петровна не верила, решила она освежить свои отношения с отцом Раймонда.

А что взяли его в понятия, так, мила-ай, это ж дело подневольное, мы все под властью ходим...

Она ждала неделю, потом другую. Встречая его во дворе, сначала делала большие глаза, а потом напрямую попросила зайти к ней по хозяйственной нужде. Домработница-то уволилась, и кто теперь одинокой женщине поможет?

Елизавета Петровна так ничего и не поняла и надеялась, что всё ещё наладится. А между тем, обстановка во дворе в корне изменилась.

Теперь соседи, прежде искавшие с ней дружбы, обходили её стороной. И иногда слышала она за спиной разные нехорошие слова.

Да это просто ни в какие ворота не лезло: чтобы её, жену заслуженного генерала, могли обозвать «сучкой» и ещё кое-кем похуже!

И откуда они всё узнали?

Дочь теперь часто приходила из школы заплаканная, и уже дважды девочки из класса били её за отца — врага народа.

Хасан не приходил. Она ждала.

ТАТЬЯНА ШЕРЕМЕТЕВА

Однажды утром, в то заповедное время, когда Ромка спал в дальней спальне, а дочка была в школе, в дверь позвонили.

Мужа дома тоже не было. То есть теперь его не было всегда.

Хотя Елизавета Петровна продолжала верить, что всё образуется.

История претъя Всех на мыло

Когда она рывком распахнула дверь, то на пороге увидела совсем не Хасана. А его жену.

Жена Хасана Дильра была крупной женщиной, совсем не такой, как маленькая, похожая на подростка со старым лицом, Елизавета Петровна.

Вообще-то, ей говорили, что похожа она на Лилю Брик, но Елизавете Петровне это сравнение совсем не нравилось.

Видела она эту Лильку и сразу всё про неё поняла...

Что-что поняла... не ваше дело.

Ту даже к ручке её подвели на каком-то торжественном приёме в честь каких-то там героев. И не упоминаешь, каких.

Елизавета Петровна тогда сдержанно поздоровалась и отошла поближе к напиткам.

И потом не раз с удовольствием вспоминала, что проявила характер и дала понять этой Лильке-проститутке, кто есть кто.

А потому что ценила наша Партия своих генералов, да ещё латышских стрелков. Ну и жён их, понятное дело, тоже.

Диляра с порога, отодвинув хозяйку локтем, двинулась на кухню, там села на стул и вытянула свои большие ноги в больших мужниных ботинках. А большие руки скрестила под большой грудью. У неё вообще всё было большое.

У Елизаветы Петровны закружилась голова. Это что же происходит?

В её собственном доме?

В коридоре, у большого зеркала в старинной раме, она поправила волосы и посмотрела на своё отражение со всем возможным презрением. Презрение, понятно, предназначалось не для отражения, а для жены Хасана, которая молча сидела в её кухне — на её стуле. И ждала.

Елизавету Петровну сначала повело было в спальню. Хотелось там закрыться и дожидаться момента, когда хлопнет входная дверь и эта огромная тётка исчезнет.

Но она коротко, как перед стопкой водки, всегда стоявшей у неё в укромном уголке, выдохнула и приготовилась к бою.

...Так на неё никогда не смотрели, разве что в юности, в бытность её полковой прачкой. Тырила она в те поры красноармейский щёлок и меняла его на хлеб и сало. А водку ей наливали почти даром.

Она подняла выщипанные в ниточку брови и со всем возможным достоинством произнесла:

— Чем обязана?

Эти слова она как-то услышала от одного жильца из соседнего подъезда. Красивой военной формы он не носил, но, как говорили, тоже был не мешок картошки — то ли инженер, то ли учёный. В общем, неважно.

Елизавета Петровна всё равно в таких словах не разбиралась.

Диляра молчала, пытаясь вникнуть в смысл прозвучавшего вопроса. Так и не вникнув, она выдохнула:

— А вот пойду я «туда», — и показала пальцем на потолок, — и тебя тоже засадят. А детей твоих на мыло сдадут. Точно знаю, мыло из них сварят. Хочешь?

Слова были тихими, но такими страшными, что Елизавета Петровна, хватая ртом воздух, тоже присела на соседний стул. Ей как-то в голову не приходило, что и её могут вынуть из дома и куда-то отправить. А у неё даже тревожный чемоданчик не собран!

И будет она дрожащими руками натягивать на себя тёплое трико и подворачивать за круглую резинку чулки. И будут ей отдавать короткие команды и выбивать из рук всё, за что она попытается взяться.

А Хасан с женой, как тогда, будут стоять в дверях.

И про «мыло» она тоже слышала. Эти страшные слухи расползались, просачиваясь сквозь страх и плотно сжатые губы.

Елизавета Петровна поняла: ни возражать, ни гнать жену Хасана из квартиры не нужно.

Когда-то одной из них повезло выйти замуж за красноармейца, который почему-то резко пошёл вверх, каждый год прибавляя в должностях и званиях.

А другой повезло выйти за дворника. И теперь они живут в Москве на служебной жилплощади в подвале дома, где живёт эта генеральша.

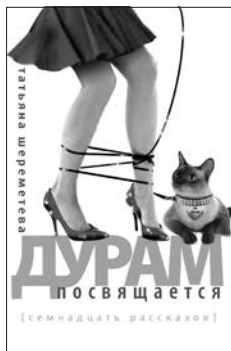
Им обеим повезло, но сейчас Диляра понимала, что ей повезло больше. Вечером в подвал вернётся её муж, а к этой сучке не придёт никто.

Хотелось её засадить и особенно хотелось «сдать на мыло» щекастого Пушкина. Кто, как ни Диляра, могла видеть, что и широкий нос, и круглое лицо, и длинные тёмные ресницы принадлежали Хасану.

— Бери что хочешь.

Елизавета Петровна считала, что в квартире брат уже нечего. Но так было с её точки зрения.

Книги Татьяны Шереметевой можно приобрести в интернет-магазинах *Amazon.com* и *Lulu.com* (поиск по имени и фамилии автора).

Посвящается дурам

Семнадцать рассказов

2015

Её проза затягивает с первой страницы. И уже нет ни сил, ни желания оторваться. Грустные, часто ироничные, то и дело дающие повод для улыбки и размышлений рассказы про наши маленькие победы и большие поражения, про слёзы, которые никому не покажешь, про душу, которая подчас напоминает ребёнка. Книга посвящается «дурам», но на самом деле просто женщинам, которые с переменным успехом проходят через различные «обстоятельства места, времени и образа действия». Удивительная книга о наших современниках на изломе их личной истории, на изломе жизни страны.

Маленькая Луна

Роман

2018

В этом романе переплелись прошлое и настоящее, разные судьбы, характеры и мироощущение героев. Здесь нет отрицательных и положительных персонажей, а есть люди, которые справляются со своей жизнью как умеют. И каждому при воспоминании о былом есть о чём сожалеть. Трудно всё время обманывать себя, стараясь забыть тех, кто был тебе дорог и кого ты предал. У Вселенной свои законы, всё хорошее и плохое, что совершили мы, к нам возвращается. И никакой вымысел не может соперничать с тем, что порой предлагает нам жизнь.

Жить легко

Роман

2017

Талантливый писатель, любимец женщин, отец взрослого успешного сына, человек мужественный, энергичный, способный быть честным перед самим собой. Его зовут Волковицкий, и его знают многие. Другого преследуют ночные кошмары, где он всегда один и всегда проигрывает. Отношения Горелова с близким другом и с любимой женщиной обречены, и он навеки останется для обоих предателем. Единственное существо, кто по-настоящему любит его, — пёс по имени Цезарь. Горелов одинок, и демоны прошлого его не отпускают. Волковицкий и Горелов — одна судьба на двоих. Эта книга заставляет людей смеяться и плакать. Таковы две реперные точки, между которыми и начинается свою жизнь новый роман писательницы Татьяны Шереметевой «Жить легко».

Грамерси-парк и другие истории

Повести и рассказы

2015

В сборник «Грамерси-парк и другие истории» включена повесть о судьбах двух москвичек, разными путями оказавшихся в Америке и по-разному пришедших к личному преуспеванию и благополучию, а также рассказы о наших современниках. Кто-то из них живёт в России, кто-то за её пределами, но, независимо от этого, все они хотят добиться успеха и найти своё счастье. У кого-то это получается, у кого-то нет. Автор книги Татьяна Шереметева предлагает читателю вместе с ней подумать о непредсказуемости жизни, о случайностях и закономерностях, о нашем прошлом и настоящем.

Личная коллекция

Magnum opus

Эссе и афоризмы

2019

«Личная коллекция» — пятая книга известного автора Татьяны Шереметевой с интригующим и провокационным названием. В ней пойдёт речь отнюдь не о любовных похождениях или бурных романах. Напротив, книга — это обобщённый опыт автора, содержащий самые яркие её высказывания, афоризмы, остроумные посты в Фейсбуке, выдержки из уже опубликованных повестей и романов, которые разошлись на цитаты и обрели самостоятельную жизнь. Отдельного упоминания заслуживает раздел, в котором приводятся критические статьи писателя на произведения её коллег по литературному цеху. Завершает книгу интервью, а вернее откровенный разговор Татьяны Шереметевой с Верой Сухиной, автором проекта «Леди сорок плюс». «Личная коллекция» — это дайджест лучших текстов автора. И потому неслучаен здесь второй заголовок: «Magnum Opus».

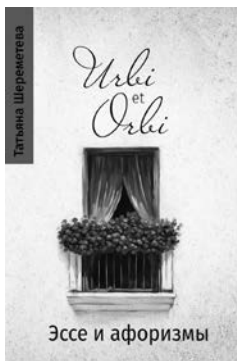

Шёлковый шёпот желаний

Сборник прозы

2019

В шестую книгу Татьяны Шереметевой — автора, хорошо известного любителям современной прозы, — входят ироническая повесть «Шёлковый шёпот желаний» и рассказы, основная тема которых — скрытый от посторонних глаз внутренний мир человека. Не оставит читателя равнодушным и подборка текстов, написанных от лица детей. Завершают сборник короткие эссе, шутки и афоризмы.

Urbi et Orbi

Эссе и афоризмы
2025

Сама Татьяна Шереметева о своей любви к кратким и ёмким высказываниям говорит так: «Сестра таланта сыграла со мной злую шутку. И теперь, когда я хочу написать роман, у меня получается афоризм».

Для тех, кто любит игру мысли и формы, эта книга может стать настольной.

Любое высказывание или короткая история могут стать поводом для размышлений, в том числе и о своей собственной жизни, или же поводом улыбнуться, что так нужно нам всем. Её можно начать читать с любого места, вы не связаны сюжетом или взаимоотношениями героев. Сюжет — это наша жизнь, герои — это мы с вами, дорогие читатели.

ТАТЬЯНА ШЕРЕМЕТЕВА

Из Москвы. Окончила филологический факультет МГУ. Член Американского ПЕН-центра и Национального союза писателей США. Победитель и лауреат международных литературных конкурсов. Автор книг: “Посвящается дурам”, “Грамерси-парк”, “Жить легко”, “Маленькая Луна”, “Личная коллекция. Magnum Opus”, “Шёлковый шёпот желаний”, “Urbi et Orbi”.

Rīgas Melnais balzams. Рижский бальзам.

Непроницаемо-чёрный, горько-сладкий, терпкий. В нём — двадцать четыре компонента, сплетение самых неожиданных трав. Его пьют маленькими глотками, чувствуя согревающий эффект. Он походит на жизнь – в ней так же переплетено противоречивое и, на первый взгляд, исключаящее друг друга. Она горькая и сладкая, густая, переливающаяся множеством смыслов. Иногда она — того самого непроницаемо-чёрного цвета. Но иногда — греет. И её тоже стоит пригублять не торопясь.

В эту книгу пришли, часто не спрашивая разрешения, самые разные люди со своими жизненными историями: вечно прекрасная Рига и старый московский двор, российские офицеры и Первая мировая, дворянство и крестьянство, курсистки-бестужевки и сталинские лагеря.

Подлость и благородство, мистика и реальность.

Настоящее. Прошлое, которое ближе, чем кажется.

ISBN 978-1-970342-26-0

9 781970 342260

